

Глава VII Принцесса Ангальт-Цербстская – всероссийская самодержица

Супруга Петра III Екатерина умело воспользовалась недовольством политикой императора в обществе, особенно у столичной знати, и, опираясь на патриотически настроенные гвардейские полки, совершила 28 июня 1762 года дворцовый переворот. Накануне переворота, которого ждали, Екатерина насчитывала на своей стороне до сорока офицеров и до десяти тысяч солдат гвардии. У супруга Петра III, решившейся на такой рискованный шаг, были личные мотивы, связанные с резко ухудшившимися отношениями с мужем. Если говорить о главной причине решительности ее действий, то это – осознание Екатериной реальной возможности повторить судьбу первой супруги Петра Великого – Евдокии Лопухиной: в один прекрасный день оказаться в монастыре. И она начала действовать быстро и решительно.

Главными инициаторами дворцового переворота были братья Орловы, служившие в гвардии. Из пяти братьев особенно выделялись Григорий и Алексей. Григорий, такой же смелый, как его брат Алексей, был красив. Высокий, статный, всегда веселый, он пленил солдат-гвардейцев своей неустранимой удалью. В Петербурге он вместе с гвардейскими офицерами кутил, ухаживал за столичными красавицами и своими победами заставлял говорить о себе. Им заинтересовалась и великая княгиня Екатерина, жена Петра III. «На него можно положиться, – размышляла Екатерина уже как политик, – он смел, находчив, олицетворяет гвардию – цвет русского дворянства». И она не ошиблась.

Но в стремлении к заветной мечте – получению русской короны – великая княгиня опиралась не только на гвардию, но и на Сенат, Двор и Синод. Еще при Елизавете она начала прилежно изучать православную веру, усердно постилась и молилась, потом трудолюбиво изучала русский язык. В записках о своей жизни до вступления на престол Екатерина отмечала, что она при дворе не держалась никакой партии, ни во что не вмешивалась, со всеми была предупредительна и никому не отдавала предпочтения. К концу царствования Елизаветы Петровны позиции великой княгини так упрочились, что шесть месяцев правления ее мужа не могли поколебать положения Екатерины. Весь Петербург видел ее, усердно молящуюся, при гробе покойной императрицы, она всех прилежнее соблюдала похоронные обряды русской церкви, чем завоевала симпатии гвардии и высшего общества.

Летом 1762 года, когда обстановка в столице стала особенно напряженной, гвардия пожелала сказать свое веское слово. Заговор против императора в офицерских кругах созрел быстро, был тайно поддержан Двором, хотя было ясно и то, что в случае неудачи заговорщиков ждали пытки и казнь. Екатерине муж уже грозил разводом и монастырем. Для отважных братьев Орловых ставка в этой игре казалась очень и очень заманчивой...

В. О. Ключевский писал о том моменте: «Перед возмущенным чувством оскорбленного национального достоинства опять восстал ненавистный призрак второй бироновщины, и это чувство подогревалось еще боязнью, что русская гвардия будет раскассирована по армейским полкам, чем ей, гвардии, грозил уже Бирон. К тому же все общество чувствовало в действиях правительства шаткость и каприз, отсутствие единства мысли и определенного направления. Всем было очевидно расстройство

правительственного механизма. Все это вызвало дружный ропот, который из высших сфер переливался вниз и становился всенародным... Ропот незаметно сложился в военный заговор, а заговор повел к новому перевороту».

В те памятные дни конца июня самым активным среди заговорщиков был Алексей Орлов. Арест одного из заговорщиков (Пассека) подтолкнул остальных к решительным действиям. Рано утром 28 июня Алексей Орлов вбежал в спальню Екатерины, которая жила в Петергофе, и объявил, что Пассек арестован. Быстро одевшись, Екатерина села в карету Орлова, погнавшего лошадей. На полдороге кони от усталости остановились и путники оказались в затруднительном положении. Но вскоре на дороге показалась коляска, где сидели Григорий Орлов и князь Федор Барятинский. Последний уступил место Екатерине, и в седьмом часу утра она приехала в Измайловский полк, где ее уже ждали. Подготовленные солдаты присягнули 33-летней императрице. Затем Екатерина поехала в Семеновский полк, где повторилось то же самое. Во главе этих двух полков она направилась в Казанский собор, и там на молебне ее провозгласили самодержавной императрицей. Прибыв в Зимний дворец, Екатерина застала в сборе Сенат и Синод, которые ей также присягнули.

В. О. Ключевский констатировал: «Все правительства, сменившиеся со смерти Петра I до воцарения Екатерины II, были делом гвардии. Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховного Тайного Совета».

Вечером 28 июня Екатерина во главе нескольких полков, верхом, в гвардейском мундире, двинулась в Петергоф. Туда должен был приехать из Ораниенбаума Петр, который уже знал о действиях супруги и решил, опередив ее, захватить Кронштадт, чтобы действовать оттуда морскими силами. Но этот план не удался, и Петр вынужден был вернуться в Петергоф, где и подписал отречение от престола. Низложенного Петра поместили в Ропше, в одной из комнат дворца.

Начальником караула, охранявшего бывшего императора России, был Алексей Орлов. В первую неделю жаркого июля гвардеец отправился к Екатерине узнать, что делать с низложенным и все же опасным законным правителем. Императрицы на вопрос Алексея Орлова ничего не ответила, но посмотрела на него спокойными глазами. Тот все понял. Начатое дело надо было довести до логического конца, и его завершили те же гвардейцы.

Заехав за князем Федором Барятинским, Алексей отправился с ним в Ропшу, чтобы вместе «пообедать» с узником. Орлов, лишив жизни бывшего императора Петра III, устранил с пути Екатерины главного соперника – ее собственного мужа! В церквах вскоре читали еще один Манифест, извещавший народ о кончине в 34-летнем возрасте бывшего императора, последовавшей от геморроидальных коллик.

В шесть часов вечера, в день убийства Петра, Екатерина получила из Ропши следующее письмо от Алексея Орлова, написанное на листке серой бумаги: «Матушка милосердная Государыня. Как мне изъяснить, что случилось: не поверишь верному своему рабу; но как перед Богом скажу истину. Матушка. Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка – его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя. Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил с князем Федором (Барятинским. – А. М.); не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневали тебя и погубили души на век».

Разумеется, Екатерина простила Алексея Орлова, князя Федора Барятинского и других участников убийства ее мужа. Ведь она не могла поступить иначе. А письмо Орлова, напоминавшее о печальном эпилоге успешного захвата власти, императрица спрятала в шкатулку для особых бумаг, где оно и было найдено после ее смерти сыном Павлом.

Тело покойного императора было привезено в Петербург в Александро-Невскую лавру и выставлено для прощания с народом. Лицо Петра III было открыто, его все могли видеть.

Это развеяло слухи о «странной» смерти императора. По просьбе сенаторов и согласно особому определению Сената, в заботах о слабом здоровье Екатерины, она «не шествовала к погребению императора Петра III», которого скромно, без оказания царских почестей похоронили в храме Александро-Невской лавры рядом с бывшей правительницей Анной Леопольдовной.

Прусский король Фридрих II, разговаривая с графом Сепором, который ехал посланником Парижского двора в Петербург, о событиях 28 июня 1762 года высказался так: «Отсутствие мужества в Петре III, несмотря на советы храброго Миниха, погубило его: он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать».

Переворот 28 июня 1762 года явился последним при русском дворе в XVIII столетии. Дело 28 июня завершило собой череду дворцовых переворотов XVIII века, осуществляемых гвардией. Но в отличие от всех предыдущих этот переворот имел поддержку населения, имел народную окраску. Кроме того, дело 28 июня имело другой политический характер: гвардия впервые выступила самостоятельной политической силой, низвергая революционно законного носителя верховной власти.

Через три дня после событий Екатерина II писала своему другу Станиславу Понятовскому в Польшу: «Переворот, который только что совершился на мою пользу, похож на чудо. Прямо невероятно единодушие, с каким все произошло». В Манифестах от 28 июня и 6 июля 1762 года Екатерина II объясняла народу, что переворот произведен якобы по желанию «всего отечества», т. е. по воле тех, к кому она обращалась. На самом же деле у нее не было никакого права претендовать на русский престол: ни династического, ни вытекающего из действовавшего тогда закона Петра I о престолонаследии. Ее муж, Голштинский герцог, внук преобразователя, был официально объявлен Елизаветой Петровной наследником на основании петровского закона. Насильно отняв власть у мужа, Екатерина не передала ее своему сыну, цесаревичу Павлу, который имел законное право на престол. Ну а поскольку Екатерина Алексеевна не имела прав на владение державным скипетром, то у нее не было другого выхода, как сослаться на то, что это право даровано ей волей русского народа и Богом!

Важным актом утверждения на российском престоле являлась коронация в Москве, и Екатерина II придавала этой исторической традиции большое значение. О предстоящем торжестве население было извещено Манифестом от 7 июля 1762 года. Подготовку коронации императрицы поручили сенатору, генерал-фельдмаршалу, президенту Военной коллегии князю Никите Трубецкому и выдали ему на эти цели 50 000 рублей.

Традиционно первопрестольная тщательно готовилась к предстоящим коронационным праздникам, преображалась и становилась нарядной. Сюда прибыли члены Сената, генералитет и затем Двор. Наконец, в конце августа в Москву выехал князь Н. И. Панин с наследником – великим князем Павлом и позже всех – сама Екатерина в сопровождении придворных.

9 сентября императрица прибыла в село Петровское – владение графа Кирилла Григорьевича Разумовского и остановилась для отдыха. Через день здесь собрались члены Синода и высшее духовенство, придворная знать, иностранные послы. Торжественный въезд императрицы в Москву состоялся 13 сентября.

Коронация Екатерины II происходила 22 сентября 1762 года по традиции с полным церемониалом. В десятом часу утра императрица вышла из своих внутренних покоев во дворец в большую аудиенц-камеру, куда уже принесли и положили на столы царские регалии. Отсюда шествие направилось к Успенскому собору. Императрица шла под балдахином в серебряном парчовом платье, сшитом по тогдашней французской моде, с орденом Св. апостола Андрея Первозванного. Золотая порфира была усеяна вышитыми двуглавыми орлами. На Екатерине были серебряные парчовые башмаки с высокими каблучками. Ее голову украшала императорская корона, обновленная петербургским ювелиром Позье. Шлейф императрицы, отороченный золотым позументом, несли восемь камергеров.

У входа в Успенский собор императрицу ожидали двадцать архиереев, множество архимандритов и других высших духовных лиц, проводивших ее в церковь, где она приложилась к святым иконам и поднялась на возвышение. Коронацию совершал митрополит Новгородский Дмитрий Сеченов по установленному ритуалу. Выйдя из церкви, Екатерина II посетила кремлевские соборы и вернулась во дворец, где началась церемония награждения в связи с коронацией.

Как уже упоминалось, впоследствии Екатерина II в своих «Записках» заметила, что давно, еще накануне ее свадьбы, сердце не предвещало ей большого счастья, «одно честолюбие меня поддерживало... в глубине души у меня было что-то, что не позволяло мне сомневаться ни минуты в том, что рано или поздно мне самой по себе удастся стать самодержавной Русской императрицей». 22 сентября 1762 года стал самым счастливым днем в жизни Екатерины II. Монаршеской милости были удостоены лица двух категорий: те, которые проявили особое усердие во время дворцового переворота, и те, что отличились храбростью в Семилетней войне. В день вступления своего на престол императрица щедро наградила своих сторонников. Она возложила на княгиню Екатерину Романовну Дашкову орден Св. Екатерины; Григорий Григорьевич Орлов, бывший тогда цалмейстером артиллерии, был пожалован действительным камергером и кавалером ордена Св. Александра Невского. Начальствовавший в Кронштадте адмирал Иван Лукьянович Талызин получил орден Св. апостола Андрея Первозванного, а вице-адмирал Семен Иванович Мордвинов и генерал-майор Михаил Львович Измайлов – орден Св. Александра Невского. Алексей Григорьевич Орлов из офицеров был пожалован генерал-майором, а Федор Григорьевич, его брат, капитаном Семеновского полка. А в начале августа 1762 года Екатерина II щедро вознаградила всех участников событий 28 июня, содействовавших ее воцарению, «за спасение Отечества от угрожавших ему бедствий»: одних – деревнями, других – пенсиями, а прочих – денежными выдачами. В день коронации Екатерины II княгиня Екатерина Дашкова была пожалована статс-дамой; генерал-аншефы князь Александр Голицын и граф Захар Чернышев, а также действительный тайный советник князь Яков Шаховской получили орден Св. апостола Андрея Первозванного. Пять братьев Орловых, помимо повышения в чинах и наград, были возведены в графское достоинство Российской империи. Монаршая признательность коснулась, разумеется, и малороссийского гетмана и президента Академии наук графа и богача Кирилла Разумовского, много помогавшего дворцовому перевороту. Граф был пожалован в сенаторы и генерал-адъютанты: Екатерина II оказывала ему полное доверие и поручала дела особо важные.

После коронации состоялся торжественный обед в Грановитой палате, затем Екатерина II принимала поздравления. А позже – балы, театрализованные представления, иллюминации, фейерверки и народные гуляния.

Создана для престола

Екатерина II, завладев императорской короной, проявила большую заботу о ее сохранении. Нелегко приходилось ей в первый год царствования. Одно дело править по династическому праву и совсем иное – удержать трон, отнятый силой. Ведь она совершила двойной захват государственной власти: насильно отняла ее у мужа и не передала ее своему сыну, цесаревичу Павлу – законному наследнику отца. После убийства Петра III для Екатерины II, как в свое время и для Елизаветы Петровны, предметом особого беспокойства был Иоанн Антонович. Кстати, к моменту воцарения Екатерины II несчастный оказался душевнобольным. В середине августа 1762 года императрица встречалась со шлиссельбургским узником. Она понимала, что опасен не он сам, а его имя, и поэтому в специальной инструкции строго указала, что в случае попытки силой освободить «безымянного колодника» стража должна его умертвить, но «живым никому в руки не отдавать».

Подпоручик Смоленского пехотного полка В. Я. Мирович, конечно, ничего не знал о существовании такой секретной инструкции для охраны, когда в ночь с 4 на 5 июля 1764 года организовал бунт солдат с целью освобождения Иоанна VI Антоновича и провозглашения его вновь императором. Именно во время начавшегося бунта капитан Васильев и поручик Некий в точности исполнили данную им инструкцию: ворвавшийся в каземат Мирович увидел там уже бездыханный труп бывшего императора. Так кровавая развязка завершила собой беззаконие 1741 года. Поручик Чекин в рапорте графу Н. И. Панину изложил суть дела кратко, по-солдатски: «Наши отбили неприятеля, они вторично наступать начали и взяли пушку, и мы, видя превосходную силу, арестанта обще с капитаном умертвили». Труп бывшего императора Иоанна VI Антоновича тайно был похоронен в глухом месте, у стены крепости, и его могилу сравняли с землей.

15 сентября 1764 года Мировича казнили: он как на следствии, так и во время казни вел себя достойно. Народ столичный, отвыкший смотреть смертную казнь и ждавший милосердия от государыни, ахнул, увидев голову осужденного в руке палача. Тело Мировича сожгли вместе с эшафотом. Как свидетельствуют документы, донесение о смерти Иоанна Екатерина II встретила с большим облегчением. И все же кончина молодого императора-узника не принесла полной радости сердцу императрицы: в 60-70-е годы XVIII века в России и за ее пределами появились самозванцы, выступавшие под именем Петра III.

При посягательстве на самодержавную власть Екатерина II проявляла беспощадную решимость и подавляла любые попытки отнять ее. Зоркий ум, твердая воля, осторожность и тонкая хитрость были надежными союзниками императрицы в защите престола. Об этом убедительно свидетельствовала не только смерть Емельяна Пугачева, выступившего в 1773-1775 годах во главе народных масс под именем императора Петра III, но и трагический финал еще одной претендентки на русский престол, на этот раз из-за границы.

...В 1864 году в императорской Академии художеств в Петербурге, а позже в залах Третьяковской галереи появилась картина К. Д. Флавицкого «Смерть княжны Таракановой», которая сразу же привлекла всеобщее внимание. Молодая женщина в бессильном отчаянии прижалась к стене тюремной камеры. Мутная вода Невы ворвалась в каземат, испуганные крысы ползут на жесткую тюремную постель. Дверь не откроют. Узница по царскому указу обречена на страшную гибель. Она вскочила на кушетку, уперлась головой в стену, с распущенными волосами, измученная, с глазами, полными горя и страдания, ожидает неминуемой смерти. Уровень бурлящей воды неумолимо поднимается. Еще минута-другая – и поток поглотит ее. Полотно русского художника наделало тогда много шума в России и за ее пределами.

Художник изобразил на полотне известную авантюристку XVIII века, выдававшую себя за княжну Тараканову, дочь императрицы Елизаветы Петровны и ее фаворита Алексея Разумовского. Княжна претендовала на русский престол.

Личность самозванцев в истории обычно покрыта тайной. Кто же была в действительности женщина, называвшая себя Таракановой? Ответить на этот вопрос с абсолютной уверенностью историки не могут и сегодня. Легенд много, но где истина?

Как мы уже отмечали в предыдущей главе, в научной исторической литературе имеется версия о морганатическом браке Елизаветы Петровны с Алексеем Разумовским. Неизвестно, были ли у них от этого брака дети. Однако иностранцы, жившие в то время в России, в своих мемуарах утверждают, что дочь императрицы и Разумовского звали Августой и что еще при жизни матери она воспитывалась в Италии. Почему ей дали фамилию Таракановой – до сих пор неизвестно, кроме некоторых предположений.

Московский историк И. М. Снегирев оставил любопытное свидетельство. Описывая Ивановский монастырь, он упоминает о монахине Досифее, как считали, княжне Таракановой, дочери Елизаветы и Разумовского. Досифея появилась в московском монастыре в 1785 году. Она была привезена из-за границы по приказанию Екатерины II, имела с императрицей свидание и покорилась своему заточению в монастырских стенах. На содержание Досифеи отпускались большие деньги, но она жила скромно, как затворница: церковь посещала тогда, когда в ней не было прихожан. В Ивановском

монастыре Досифея прожила 25 лет и умерла 4 февраля 1810 года в возрасте 64 лет, как выбито на ее надгробном камне. Сам историк Снегирев присутствовал на похоронах, которые были торжественными и необычно пышными. Досифея похоронена в фамильной усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре. На этих похоронах присутствовал главнокомандующий Москвы граф В. И. Гудович, женатый на племяннице А. Г. Разумовского.

Конечно, высказывание московского историка не является доказательством, что именно Досифея была настоящей княжной Таракановой. Данные современной исторической науки не дают основания для утверждения, что дочь императрицы Елизаветы Петровны действительно существовала. Но зато известно другое: за попытку присвоить себе имя княжны Таракановой поплатилась жизнью авантюристка, изображенная на картине Флавицкого...

Молодая красавица часто меняла свою фамилию, появляясь в великосветских кругах то как принцесса Владимирская, то как принцесса Азовская и, наконец, княжна Тараканова. Ее приезд в Польшу привлек особое внимание, вокруг нее всегда было много знатных кавалеров. Самозванку постоянно сопровождали три польских дворянина, она была связана с известным виленским воеводой князем Карлом Радзивиллом. И хотя местная знать охотно верила заявлениям «русской царевны», преследования кредиторов заставили ее покинуть Польшу и перебраться в Германию, а оттуда через Францию – в Италию. И повсюду княжна Тараканова говорила о своих правах на русский престол: она обращалась за поддержкой к европейским государям и даже к турецкому султану. И если граф Панин на сообщение итальянского посла в Петербурге о претензиях княжны Таракановой спокойно заявил, что не следует обращать внимания на эту бродяжку, то Екатерина II реагировала иначе. Хотя самозванка реальной опасности не представляла, императрица начала действовать.

В это время эскадры первой русской военно-морской экспедиции после успешных боевых действий на Средиземном море в ходе войны России с Османской империей начали возвращаться домой. Всеми русскими силами здесь командовал граф Алексей Григорьевич Орлов. Ему Екатерина II и послала приказ: во что бы то ни стало доставить авантюристку в Россию. Русская самодержица прекрасно знала, кому и что следует поручать.

Орлов начал с разведки. Обнаружив «особу» в скромной квартире, агенты сообщили графу, что она переживает финансовый кризис. Алексей Григорьевич не только стал кредитором севшей на мель авантюристки, но и прикинулся влюбленным. Он уверял «княжну Тараканову» в том, что признает ее права на престол, уговорил ее переехать из Рима в Пизу, где купил для нее богатый дом. Орлов клялся самозванке, что доставит ее в Россию и совершит в Петербурге государственный переворот в ее пользу. Для подтверждения версии о его любви к княжне граф предложил ей обвенчаться с ним по православному обычаю. Дело задерживалось из-за отсутствия православного священника. Под этим предлогом Орлов перевез доверившуюся ему женщину в Ливорно, где стояла русская эскадра.

Здесь, в Ливорно, и состоялось «венчание», организованное агентурой графа. Для встречи «невесты» был выслан эскорт матросов, и когда она появилась в порту, раздался ружейный салют. На борт флагманского корабля княжну подняли в парадном кресле. Но как только она ступила на палубу, матросы схватили ее, заковали в кандалы и бросили в трюм. 25 февраля 1775 года русская эскадра подняла паруса и вышла в открытое море.

22 мая эскадра бросила якорь на кронштадтском рейде. Мучительное для «княжны Таракановой» путешествие окончилось. В Кронштадт прибыл отряд солдат Преображенского полка во главе с капитаном Александром Толстым, с которого взяли клятву сохранить увиденное в тайне. Утром 6 июля он привез «княжну» в казематы Петропавловской крепости. Началось следствие, которое вел князь Голицын – комендант царской тюрьмы. Попытки Голицына, а затем и Орлова выяснить у авантюристки, кто же она, не увенчались успехом. «Княжна» не сознавалась в самозванстве и твердила о правах

на российский престол. Между тем обительница Алексеевского равелина быстро угасала. Из измученного тела медленно уходила жизнь. Скоротечная чахотка делала свое дело, катастрофа приближалась. И в начале декабря 1775 года в 7 часов вечера неизвестная скончалась. Незадолго до смерти она родила сына от Алексея Орлова. На следующий день часовые похоронили тело «претендентки». Тайна ушла вместе с ней в могилу. Мнимая Тараканова не дожила до наводнения, как это изображено на картине Флавицкого, и даже перед смертью на исповеди не открыла своего настоящего имени. Обитатели камеры, находившиеся в ней после смерти «княжны Таракановой», видели выцарапанное на стене на итальянском языке восклицание «О, Боже мой!».

Известный биограф императрицы Екатерины II А. Г. Брикнер подчеркивает, что она «была как бы создана для престола: в истории мы не встречаем другой женщины, столь способной к управлению делами». Такого же мнения придерживается граф Л. Ф. Сегюр, заметив в своих «Записках», что Екатерина II была «рождена для трона». Впечатляющей была и внешность Екатерины II: ее природная горделивая осанка в сочетании с неотразимым обаянием привлекала всеобщее внимание. Сама императрица писала о себе так: «Говоря по правде, я никогда не считала себя красивой, но я нравилась, и, думаю, это-то и было моей силой».

С. А. Понятовский, счастливый любовник великой княгини, был ею восхищен, отмечая «ослепительную белизну» кожи 25-летней Екатерины Алексеевны, идеальные руки и ноги, тонкую талию и благородную походку. Современник событий 28 июня 1762 года английский посол в России лорд Бёкинхэмшир описал российскую императрицу так: «Ее императорское величество ни мала, ни высока ростом; вид у нее величественный, и в ней чувствуется смешение достоинства и непринужденности, с первого же раза вызывающее в людях уважение к ней и дающее им чувствовать себя с нею свободно. От природы способная ко всякому умственному и физическому совершенству, она, вследствие вынужденно замкнутой ранее жизни, имела досуг развить свои дарования в большей степени, чем обыкновенно выпадает на долю государям, и приобрела умение не только пленять людей в веселом обществе, но и находить удовольствие в более серьезных делах. Период стеснений, длившийся для нее несколько лет, и душевное волнение с постоянным напряжением, которым она подвергалась со времени своего вступления на престол, лишили свежести ее очаровательную внешность. Впрочем, она никогда не была красавицей. Черты ее лица далеко не так тонки и правильны, чтобы могли составить то, что считается истинной красотой; но прекрасный цвет лица, живые и умные глаза, приятно очерченный рост и роскошные, блестящие каштановые волосы создают, в общем, такую наружность, к которой очень немного лет тому назад мужчина не мог бы отнестись равнодушно, если только он не был человеком предубежденным или бесчувственным. Она была, да и теперь остается тем, что часто нравится и привязывает к себе более, чем красота. Сложена она чрезвычайно хорошо; шея и руки замечательно красивы, и все члены сформированы так изящно, что к ней одинаково подходит как женский, так и мужской костюм. Глаза у нее голубые, и живость их смягчена томностью взора, в котором много чувствительности, но нет вялости... Трудно поверить, как искусно ездит она верхом, правя лошадьми – и даже горячими лошадьми – с ловкостью и смелостью груга. Она превосходно танцует, изящно исполняя серьезные и легкие танцы. По-французски она выражается с изяществом, и меня уверяют, что и по-русски она говорит так же правильно, как и на родном ей немецком языке, причем обладает и критическим знанием обоих языков. Говорит она свободно и рассуждает точно».

Многочисленные первоисточники свидетельствуют о феноменальной работоспособности самодержицы. Всероссийской. Обладая недюжинными способностями, волей и трудолюбием, она настойчиво изучала русский язык, много читала, приобрела обширные познания, и в этом отношении была вне сравнения с другими правительницами России этого столетия. Хотя рядом работали опытные и знающие дело государственные деятели, тем не менее она лично вникала во многие проблемы, проявляя склонность к работе пером. Одно из доказательств – ее обширная переписка. Деятельная Екатерина

порой брала на себя функции начальника генерального штаба, в частности, во время Русско-турецкой войны 1768-1774 годов она ездила в Сенат, садилась в президентское кресло и слушала отчеты и доклады с театров военных действий.

Распорядок рабочего дня российской императрицы был весьма напряженным и строгим.

Вставая всегда в шесть часов утра, она немедленно шла в уборную, где ее ждала теплая вода для полоскания рта и лед для обтирания лица. После краткого утреннего туалета Екатерина II переходила в свой рабочий кабинет, куда ей сразу же приносили крепкий левантский кофе с гренками и сахаром.

Просматривая бумаги, она пила кофе, а сахаром кормила своих любимых собачек. Здесь, уединившись, императрица напряженно работала. В девять часов начинались доклады сановников разных рангов: первым являлся обер-полицмейстер, затем генерал-прокурор, губернатор, управляющие Военной и Иностранной коллегиями. Но все они приходили только в назначенные для них дни. Затем государыня работала со статс-секретарями, которые представляли на ее усмотрение важнейшие государственные дела и бумаги, на которых она делала собственноручные резолюции. Ближе к полудню императрица отпускала секретарей и начинала свой туалет. Надев парадное платье, Екатерина переходила в дворцовую парикмахерскую, где ее старший парикмахер Козлов занимался причесыванием волос по моде. Затем самодержица уходила в свою парадную уборную. Там ее уже ждали для утреннего приветствия великие княжны и наиболее приближенные лица.

За обеденный стол императрица садилась в два часа дня. В обычные дни свою трапезу она разделяла с самыми близкими людьми из окружения: графом Разумовским, фельдмаршалом князем Голицыным, князем Потемкиным, графом Орловым, дежурным генерал-адъютантом графом Чернышевым, графом Строгановым, графиней Брюс, графиней Браницкой. За столом всегда находилось до десяти человек. Обед под музыку продолжался не более часа. В пище Екатерина II отличалась большой воздержанностью, была невзыскательной к кушаньям, ела очень мало, ограничиваясь небольшими порциями из трех-четырех блюд. Из плодов она предпочитала яблоки, вишни, а из вин – рюмку рейнвейна или венгерского.

После обеда императрица удалялась в спальню, где отдыхала: ей читали книги или иностранную почту, она же вязала одеяла и фуфайки для своих внуков. Иногда писала письма, деловые бумаги. От природы одаренная большим умом, сильным характером и трудолюбием, Екатерина II быстро выучила русский язык, с увлечением сама читала исторические и философские сочинения. Ее духовными собеседниками были Лейбниц, Декарт, Локк, Монтескье, Вольтер, Руссо. Вообще, следует сказать, что императрица имела две страсти, с годами ставшие ежедневными потребностями, – это желание читать и писать. За свою долгую жизнь она прочла огромное количество книг. Обойтись без книги и без пера Екатерине II было так же трудно, как Петру I без топора и токарного станка.

С сентября до середины мая она жила в Петербурге, а в остальное время в Царском Селе. Она очень любила садоводство и летом посвящала свободное время уходу за цветами и редкими растениями. Зимой государыня любила кататься на санях.

В шесть часов вечера начиналась третья, завершающая часть дня Екатерины II: во дворце проходили приемы, собрания, балы, концерты. В ее царствование Императорский двор освободился от грубых нравов прежних времен, облагородился, а с учреждением Кавалергардского корпуса, вместо лейб-компаний, засверкал новым блеском.

Собрания придворной знати тогда делились на три категории: на большие, средние и малые. Если на большие приглашалась вся столичная элита и иностранные посольства, а средние отличались от больших лишь меньшим числом гостей, то на малых присутствовали только самые близкие императрице лица. Куртаги, проводившиеся по воскресеньям, являлись одним из удовольствий двора. Здесь, на куртагах, все было иначе: без всякого этикета обсуждались проблемы науки и культуры, велись философские и литературные

дискуссии, затевались самые разные игры, молодежь веселилась. Душой всевозможных забав всегда была сама императрица. Часто вместо куртагов давались спектакли или концерты. Екатерина Алексеевна часто играла в шахматы, карты (вист и рокамболь) со своими постоянными партнерами – графами Кириллом Разумовским, Григорием Орловым, князем Александром Голицыным, а также другими сановниками, в том числе и иностранными послами. В 10 часов вечера Екатерина II прощалась с присутствующими и уходила, заканчивались и хлопоты пяти личных камердинеров императрицы. Штат ее личной прислуги состоял из одной камер-фрау (любимицы Екатерины Марьи Саввишны Перекусихиной), четырех камер-медхен и пяти камердинеров. В своей домашней жизни императрица отличалась крайней простотой, унаследованной с детских лет в родительском доме; обстановка ее внутренних покоев в Зимнем дворце была намного скромнее обстановки покоев вельмож.

В первые дни царствования императрица пользовалась советами преимущественно двух лиц – Никиты Ивановича Панина и старого сенатора, «птенца» Петра I – Ивана Ивановича Неплюева. Екатерина поспешила возвратить в столицу бывшего канцлера графа Бестужева-Рюмина и бывшего генерал-прокурора князя Якова Шаховского, находившихся в опале при прежнем правлении. Ей очень важно было иметь рядом этих державных деятелей, знаменитых своим опытом: одного – во внешних, другого – во внутренних делах.

Восстановленный в правах и чинах, произведенный в генерал-фельдмаршалы и обласканный Екатериной II, Бестужев-Рюмин, несмотря на свой весьма почтенный возраст, был также полезен императрице. Он помогал ей разобраться в сложной и тонкой политической игре европейских царствующих дворов, овладеть искусством гибкой дипломатии. У графа была на редкость старательная слушательница.

Свое царствование на государственном поприще Екатерина II начала отменой многих распоряжений Петра III. Эти меры вызвали общее расположение к новой императрице в обществе. Важным событием первых лет деятельности Екатерины II явился созыв особой комиссии для составления проектов новых законов, так как многие статьи Соборного Уложения 1649 года давно устарели. Однако из-за отсутствия опыта в вопросах законодательства комиссию ожидал неуспех.

Екатерине II были присущи такие качества, как твердость и решительность в сочетании с осторожностью. Как гибкий политик проявила она себя в реорганизации аппарата управления огромной империей. Подобно елизаветинской «Конференции при высочайшем дворе», в 1769 году был учрежден «Непременный Совет», который являлся высшим координирующим органом по важнейшим государственным вопросам. Значительно ослабло значение Сената: императрица лишила его права издавать законы, поручив генерал-губернатору надзор за его деятельностью. Теперь самодержица сама стала заниматься законодательными делами, а Сенат с 1763 года превращается в высшее административно-судебное учреждение, состоявшее из шести департаментов (четырех в Петербурге и двух – в Москве).

В ходе осуществления централизации управления империей Екатерина II уделила большое внимание реорганизации системы местной власти, делая ставку на дворянство – главную опору самодержавия. В связи с этим ей удалось осуществить губернскую реформу, в ходе которой вместо прежних двадцати губерний было образовано пятьдесят. Изданное 21 апреля 1764 года «Наставление» губернаторам явилось первым шагом правительницы, направленным на усиление власти и авторитета губернской администрации. В первой статье этого документа было сказано: «Губернатор, как поверенная от Нас особа и как глава и хозяин всей врученной в смотрение его Губернии, состоять имеет под собственным Нашим и Сената ведением; почему и Указы только от Нас и Сената Нашего приемлет». Наставление 1764 года сделало губернатора юридически полным хозяином губернии.

Особо отметим, что самодержица лично готовила губернскую реформу, тщательно ее разрабатывая. Манифест о губернской реформе от 7 ноября 1775 года явился итогом длительной и напряженной работы большой группы известных администраторов того времени во главе с Екатериной II. В коллективной разработке преобразований местной

власти участвовали: новгородский губернатор Я. Е. Сиверс, эстляндский ландрат Г. Р. фон Ульрих, Выборгский генерал-губернатор Ю. Ю. Броун, генерал-прокурор А. А. Вяземский, статс-секретарь П. В. Завадовский. Екатерина II отличалась и тем, что умела находить талантливых администраторов и опытных советников, используя их большие знания с пользой для государства. Она при этом и сама стремилась вникнуть в суть проблемы, проявляя незаурядную политическую дальновидность и исключительную интуицию. Более того, при подготовке губернской реформы обстоятельно анализировался не только отечественный, но и западный опыт в области местного управления. Жалованная грамота дворянству от 21 апреля 1785 года завершила губернскую реформу, укрепив позиции дворянства как господствующего класса. Проводимая Екатериной II политика централизации высшей власти проявилась, в частности, в ликвидации в 1764 году гетманства на Украине и замене его двумя учреждениями – Малороссийской коллегией и генерал-губернатором Малороссии.

На основе исторических источников, многочисленных воспоминаний современников и переписки следует вывод о том, что императрица Екатерина II обладала незаурядным умом выдающегося государственного деятеля с огромной работоспособностью, сильной волей и мужеством. Наблюдательный Дидро, посетивший Россию в 1773-1774 годах, подчеркивал, что Екатерина II при своей «изумительной проницательности» достигла того, что во всей стране не было человека, который бы «так хорошо знал нацию, как она». Добавим, не только нацию, но и ее проблемы. Конкретный пример – финансы империи.

На рубеже 60-70-х годов XVIII века Россия переживала финансовый кризис: непрерывные войны, рост городов, развитие промышленности вызывали финансовое напряжение. Попытки правительства ослабить создавшуюся ситуацию к заметному успеху не приводили. В связи с начавшейся войной с Турцией выход был найден во введении впервые бумажных денег – ассигнаций.

Указом от 29 декабря 1768 года Екатерина II учредила в Санкт-Петербурге и Москве «променные банки», которые обменивали бумажные деньги на металлическую монету, и наоборот. Финансисты правительства во главе с князем А. А. Вяземским очень осторожно вводили в оборот ассигнации, постепенно увеличивая их количество.

Население охотно приняло новые деньги. Конечно, сразу же появились и аферисты. Правительство вскоре узнало о недостатках бумажного обращения, в частности, о доступности подделки ассигнаций. Екатерина II, внимательно следившая за этим важным финансовым мероприятием, в июне 1771 года писала графу Н. И. Панину: «Граф Никита Иванович, извольте обще с генерал-прокурором и графом Шуваловым (Андреем Петровичем, директором ассигнационного банка. – А. М.) входить во все подробности того приключения, которое сегодня сделалось в банке государственных ассигнаций в рассуждении двадцатипятирублевых бумаг, как переделаны в семидесятипятирублевые, и что окажется, о том вы мне дадите знать; также положите на мере, как наискорее можно будет упредить, чтобы банковый кредит фальшивыми ассигнациями не был поврежден». На следующий день императрица писала тому же Панину: «Писал ко мне граф Шувалов, что воры его сысканы и признались; и только глухо пишет, что они до пяти тысяч рублей выиграли, или 90 номеров испакостили своим манером».

Названный нами случай с подделкой бумажных рублей оказался только предвестником более серьезного по масштабам замысла подрыва ассигнационной операции царского правительства. При этом злоумышленниками оказались три русских дворянина, из которых двое занимали видные должности в государственном аппарате. Это были отставной капитан Сергей Алексеевич Пушкин, коллежский советник Михаил Алексеевич Пушкин и вице-президент Мануфактур-коллегии Федор Иванович Сукин.

Прибывший в Россию в 1766 году француз Луи Барро Бротарь в поисках удачи случайно познакомился с братьями Пушкиными и сумел убедить их в том, что можно стать очень богатыми людьми. Братья, естественно, заинтересовались, ибо, как и большинство дворян, не страдали избытком денежных средств.

План французского авантюриста заключался в подделке и выпуске новых банковских ассигнаций на сумму 300 тысяч рублей. Успех задуманного предприятия должен был быть обеспечен изготовлением всех необходимых средств для подделки не в России, а за границей. Там же предполагалось и напечатать фальшивые ассигнации. Бротарь предложил научить Сергея Пушкина копировать через стекло подписи сенаторов на банковских билетах. Предполагалось, что поддельные ассигнации должны привозиться в Россию уже готовыми в дорожной коляске в музыкальном инструменте.

Пушкины и Сукин увлеклись идеей француза, тем более что он сумел на практике показать свои способности: в виде опыта удачно скопировал подписи на одной из ассигнаций.

Бротарь обещал взять на себя все исполнение дела за границей. По предварительным расчетам, на каждого участника будущей операции приходилось больше 50 тысяч рублей – сумма весьма значительная по тем временам. Русские сообщники планировали отправиться за границу под предлогом лечения, а затем переехать в Швейцарию, приобрести недвижимость и богато жить.

Обсудив план действий, они условились, что для его осуществления за границу должен отправиться Сергей Пушкин с Бротарем: первый под предлогом лечения, а второй просто возвращался домой.

В Амстердам Сергей Пушкин прибыл в октябре 1771 года и нашел там Бротаря, который уже всю развернул подготовку к реализации задуманного плана. Он, в частности, нашел резчика-гравера, обещавшего сделать штемпеля, а также мастера, согласившегося сделать копии привезенных из России бумажных ассигнаций. Мастер по подделке ассигнаций потребовал принять его в задуманное мероприятие, на что Бротарь и Пушкин вынуждены были согласиться. Но средств не хватало. И тогда Сергей отправился обратно в Россию, взяв при этом с собой сделанные резчиком штемпеля и печатные доски. Благополучно доехав до Риги и оставив экипаж, Пушкин хотел через Псков возвратиться в Москву. Но вскоре был арестован. Его остановили под предлогом дезинфекционного окуливания, обыскали и нашли ассигнационные штемпеля и печатные доски.

«О, друг мой... я арестован, – писал Сергей своему брату в письме, прося его о помощи. – Спаси меня, если можешь...» Пушкин считал свой арест случайным и надеялся легко отделаться. Но он явно заблуждался. Еще во время его нахождения за границей Екатерине II стало известно кое-что относительно преступных намерений Сергея Пушкина. 5 февраля 1772 года она писала почт-директору Эку: «...прикажите раскрыть все письма, и наипаче те, кои в чужие края пишет Михайло Пушкин и кои он получает от своего беспутного брата Сергея Пушкина, который поехал летом в чужие края. Есть подозрения, может быть неосновательные, будто сии оба молодца упражняются в делании фальшивых ассигнаций: если что ни на есть найдете, сей слух подтверждающего, пришлите ко мне и держите все сие в молчании».

В то же время в конце февраля генерал-губернатору Брауну в пограничных губерниях высочайше секретно было указано внимательно следить за возвращением Сергея Пушкина из-за границы и под видом поиска контрабанды тщательно осмотреть его экипаж и вещи. Письмо Сергея Пушкина из-под Риги брату немедленно было доставлено императрице, которая по этому поводу писала князю М. Н. Волконскому следующее: «Сие письмо... Сергей Пушкин послал знатно из-под ареста из Нейгаузена в Псков по нарочной штафете, дабы оттуда оно наискорее отправлено было к брату его на Москве. Из оного увидите, что у Сергея Пушкина действительно найдены ассигнационные штемпели и литеры, что он ищет уйти, чего однако с невинностью никто не вздумает, и что он к брату пишет, что у него, Сергея, не найдены бумаги, что, кажется, довольно доказывает, что Михайло Пушкин о сем не безызвестен – брат винный этак к невинному писать не может». Задержанного Сергея Пушкина доставили в Петропавловскую крепость. Был арестован и его брат Михаил. На свободе остались в России Сукин и за границей Бротарь.

Для следствия по делу Пушкиных была назначена комиссия.

Итак, план быстрого обогащения стал известен императрице, но каким образом? Ведь сообщники предприняли все меры предосторожности, и тайна не должна была выходить за пределы тесного круга четырех соучастников аферы! Недоумение разрешилось, однако, очень просто. Тайну выдал Федор Сукин.

Дело в том, что после отъезда Сергея Пушкина и Бротаря за границу Сукиным стал овладевать страх. С одной стороны, он вместе с другими сообщниками тоже ждал легкого обогащения, но, с другой стороны, его начала мучить боязнь возможной ответственности в случае раскрытия преступления. Долгое время вице-президент Мануфактур-коллегии пребывал в нерешительности. Наконец, чтобы обезопасить себя от всяких случайностей, он решил донести на Пушкина частным образом. Сукин рассчитывал, что именно таким путем он не только отклонит от себя возможное обвинение в преступлении, но и избежит позорного имени доносчика.

Сообщение вице-президента было доведено до сведения императрицы, которая и приняла со своей стороны все меры предупреждения задуманной операции.

25 марта 1772 года Екатерина II писала князю М. Н. Волконскому: «...что касается до Сукина, то если он не виноват, то надлежит признаться, что ничего глупее быть не может, как он поступил в сем деле».

На допросе Сергей Пушкин, недолго упираясь, указал на Сукина как на единомышленника. В связи с этим фактом императрица приказала оказать содействие петербургскому второму департаменту Сената, потребовавшему от московских властей ареста Сукина. Вице-президент Мануфактур-коллегии был отдан под суд по обвинению в соучастии в подделке государственных ассигнаций. Екатерина II, жалея семью неудачного доносчика, распорядилась выдать жене Сукина тысячу рублей и сказать ей, чтобы она теперь лишь надеялась на правосудие и милость императрицы.

Дело, таким образом, приближалось к завершению. Следственная комиссия закончила свою работу и представила материалы дела в Сенат. На основании соответствующих статей Уложения брата Пушкина и Сукин были приговорены к смертной казни. Но имея в виду указы Елизаветы Петровны от 1754 года и Екатерины II от 1769 года, Сенат заменил виновным высшую меру лишением дворянства с добавлением наказания кнутом, вырезания ноздрей, клеймения и ссылки на работу на нерчинские заводы. В частности, Сергея Пушкина Сенат приговорил к 50 ударам кнута, его брата Михаила – к 40, а Сукина – к 20 ударам.

Императрица смягчила сенатское решение от 25 октября 1772 года. Она повелела Сергея Пушкина, как наиболее деятельного участника преступного сообщества, лишить всех чинов и дворянства, возвести на эшафот, переломить шпагу над его головой и, заклеив буквой «В» (вор), отправить на вечное заключение в Пустозерский острог Астраханской губернии. Михаила Пушкина, как второго активного сообщника, Екатерина II лишила чинов и дворянства и приказала отправить в сибирскую ссылку – в Енисейск. В Сенатском указе от 25 октября 1772 года было приказано передать имение обоих Пушкиных ближним законным наследникам и впредь Сергея и Михаила Пушкиных называть только бывшими Пушкиными. Их имение было передано наследникам. Федора Сукина лишили всех чинов и сослали на вечное поселение в Оренбургскую губернию.

Пока в России шло следствие по преступной группе, Бротарь продолжал находиться за границей и, по мнению Сената, являлся потенциально опасным, ибо владел орудиями для подделки денег.

Екатерина II предприняла необходимые меры, и при помощи русского посла в Голландии в июне 1772 года Бротарь был задержан и доставлен в Россию. На допросе он чистосердечно признался и рассказал о своей роли зачинщика в намеченном предприятии. Сенат, несмотря на иностранное подданство Бротаря, осудил его также к смертной казни с заменой казни наказанием кнутом, клеймением, вырезанием ноздрей и ссылкой на нерчинские заводы.

В своей внутренней политике Екатерина II, наряду с модернизацией армии и военно-морского флота, большое внимание уделяла развитию промышленности, торговли, просвещения. В экономической области императрица считала своей главной задачей осуществление принципа полной свободы промышленности и торговли. Был издан ряд законодательных актов, в которых правительство стремилось освободить эти отрасли хозяйства от прежних ограничений. В 1763 году Екатерина II учредила особую «Комиссию о коммерции», главной заботой которой являлось принятие мер для улучшения внутренней и внешней торговли. В целях энергичного развития российской коммерции императрица поощряла организацию торговых компаний, не давая при этом им монопольного права на торговлю, что разрешалось раньше, при Елизавете Петровне.

Во второй половине XVIII века в России наблюдался рост ярмарочной торговли: почти 25 ярмарок к концу столетия приобрели масштабы всероссийских торгов. Наиболее крупными были Нижегородская, Ирбитская, Харьковская, Макарьевская ярмарки. Из них особенно важную роль в развитии торговых связей России со Средней Азией сыграла Нижегородская ярмарка.

В 70-80-х годах окончательно оформилась организация гильдейского купечества России: Манифестом от 17 марта 1775 года купеческое сословие было разделено на гильдейское купечество и мещан. Само купечество стало иметь три гильдии, которые отличались одна от другой суммой капитала: первая – от 10 до 50 тысяч рублей, вторая – от 5 до 10 тысяч рублей, третья – от 1 до 5 тысяч рублей. Представители первой и второй гильдий освобождались от телесного наказания, а все купечество от подушной подати.

Этим указом повышался социально-экономический статус купца России: он получил право на оптовую и розничную торговлю, на строительство фабрик и заводов, освобождался от государственных служб, а с 1776 года и от рекрутской повинности.

Успехи в развитии внешней торговли были связаны с таможенной политикой правительства Екатерины II, которая защищала отечественную коммерцию, интересы российского купечества. Особое внимание Екатерина II уделяла становлению торговли в черноморских портах. В результате победоносной войны 1768-1774 годов русские купцы по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору получили право свободного плавания в турецких водах, а также равные права с купцами европейских государств. Россия в царствование Екатерины II стала непосредственным участником международной морской торговли на юге, что имело исключительное значение для развития ее экономики.

Активно торгуя с европейскими государствами, русское правительство и лично Екатерина II особое внимание уделяли торговле с Китаем. С целью оживления и расширения российско-китайской коммерции Петербург предпринял ряд финансовых и административных мероприятий. Главным пунктом совместной торговли был приграничный город Кяхта. Уничтожив царскую монополию на торговлю с Китаем, Екатерина II предоставила всем российским купцам право ездить со своими товарами и в Пекин. Большое влияние на развитие кяхтинской торговли оказывали своим участием Ирбитская и Нижегородская ярмарки. В целом за время царствования Екатерины II общий товарооборот внешней торговли России увеличился в пять с лишним раз и равнялся в 1796 году 109,6 млн рублей.

Екатерининская эпоха «просвещенного абсолютизма» ознаменовалась началом расцвета литературы, искусств, наук. Их успехи, разумеется, были непосредственно связаны с активной реформаторской деятельностью Екатерины II, сумевшей не только определить общеевропейские тенденции общественного прогресса, но и попытаться осуществить их в специфических условиях России. Немало сделала императрица для народного просвещения. Если Петр I в свое время смотрел на образование лишь с точки зрения его практической пользы, то Екатерина II, напротив, придавала образованию прежде всего воспитательное значение, в смысле развития человеческой личности. Она часто говорила: «Ясно, что корень всему злу и добру – воспитание». В царствование Екатерины II значительно увеличилось число школ, больниц, были основаны воспитательные дома в Москве и Петербурге, заложены основы коммерческого образования.

Важнейшую роль в царствование Екатерины II играли вопросы внешней политики, которая, по мнению В. О. Ключевского, являлась самой блестящей стороной ее деятельности. Внешняя политика России второй половины XVIII века была подчинена решению двух основных проблем. Главной из них являлась черноморская проблема. Здесь две напряженные войны с Османской империей (1768-1774 и 1787-1791 гг.) завершились полным успехом русского оружия. Потеря Крыма лишила Турцию надежнейшего щита против России. Русские твердой ногой стали на берегах Черного моря, и уже Константинополь должен был трепетать от их присутствия там.

Кючук-Кайнарджийский мир Екатерина II решила праздновать с большим торжеством в Москве, прибыв в древнюю столицу в январе 1775 года. Императрица пригласила сюда главного виновника заключения мира с Турцией графа Петра Александровича Румянцева и хотела, чтобы он, по примеру римских полководцев, въехал через триумфальные ворота на колеснице; но скромный герой уклонился от такой чести. День 10 июля 1775 года, назначенный для торжества, начался пушечной пальбой. Екатерина II в сопровождении многочисленной свиты шла среди стоявших войск в Успенский собор, где была встречена высшим духовенством. После завершения литургии и благодарственного молебствия самодержица направилась в Грановитую палату. Там был зачитан указ императрицы о наградах в связи с таким знаменательным для России событием. Граф М. А. Румянцев получил: 1) наименование Задунайского за трудный переход через Дунай; 2) грамоту с перечнем одержанных им побед над османами; 3) за умелое руководство войсками – фельдмаршальский жезл с алмазами; 4) за проявленную храбрость – шпагу с алмазами; 5) за одержанные победы – лавровый венок; 6) за заключение мира с Турцией – масличную ветвь, украшенную, как и лавровый венок, бриллиантами; 7) в знак монаршей милости – крест и звезду ордена Св. апостола Андрея Первозванного, осыпанные алмазами; 8) в его честь – медаль с изображением полководца. Князь Василий Михайлович Долгоруков за занятие Крыма получил прозвище Крымского, похвальную грамоту, шпагу, крест и звезду Св. Андрея Первозванного, украшенные алмазами. Граф Алексей Григорьевич Орлов в память о блестящей победе при Чесме стал именоваться Чесменским, получив также похвальную грамоту, шпагу с алмазами и столовый сервиз. Среди других отличившихся был и генерал-поручик Александр Васильевич Суворов, награжденный шпагой с алмазами.

Вторая проблема в области внешней политики – возвращение в состав Русского государства исконно русских земель, захваченных в давние времена Польшей, – также была успешно решена Екатериной II в результате трех разделов (1772, 1793, 1795) некогда сильной Речи Посполитой.

«Выбор моего сына вполне соответствует моим желаниям...»

Можно смело сказать, что династические связи между Российским императорским домом и владетельными фамилиями Германии получили новый импульс в период 34-летнего правления Екатерины II Великой. Всероссийская самодержица, бывшая принцесса Ангальт-Цербстская, как и Петр I, уделяла большое внимание этому вопросу и лично целенаправленно претворяла его в жизнь. Брачные союзы Романовых императрица сделала важным рычагом национальной политики.

За государственными делами Екатерина II не забывала о своем сыне и наследнике – великом князе Павле Петровиче, уделяя большое внимание его воспитанию. Приближалось его совершеннолетие, и императрица начала подумывать о женитьбе сына, подыскивая ему достойную невесту. 23 января 1771 года она писала своему доверенному лицу барону А. Ф.ASSEBURGU, немецкому дипломату в Дании: «Г. Ассебург, так как приближается время серьезно подумать о предстоящем мне выборе, и из всех принцесс, о которых вы нам говорили, более всех подходит для нас в эту минуту (разумеется, что вы будете продолжать ваши наблюдения) принцесса Луиза Саксен-Готская, то мне пришло на ум, что лучшим средством убедиться, по вкусу ли нашему придется этот выбор, было бы старание ваше

уговорить принцессу, вдову принца Иоанна Августа Саксен-Готского, предпринять под каким-нибудь придуманным вами предлогом (кроме настоящего, так как я не хочу ни к чему обязываться, не выдав их) путешествие в Россию; две принцессы, ее дочери, должны сопровождать ее. Вы могли бы, кстати, подать слабый луч надежды на устройство брака одной из принцесс, если бы религия тому не препятствовала, и изложить на этот счет их мысли. Мать принца Иоанна Августа Саксен-Готского была из Ангальт-Цербстского дома и двоюродная сестра моего отца. Брат этого принца Иоанна Августа, принц Вильгельм, был женат на моей тетке – принцессе Анне Гольштейн-Готторпской. Вот прежде всего двойное родство, которое могло бы побудить принцессу посетить меня и постараться посредством этого путешествия улучшить свое положение и положение принцесс, дочерей ее». Однако в письме барону от 14 мая того же года императрица по ряду причин отказывается от принцессы Луизы Саксен-Готской. Агент Екатерины II, объезжая германские дворы и высматривая внимательно будущую супругу для наследника русского престола, свой окончательный выбор остановил на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской. Никите Панину он писал о ней как о достойной невесте для великого князя.

Русская императрица, естественно, захотела увидеть своими глазами кандидатку в невесты сына и послала приглашение ее матери ландграфине Гессен-Дармштадтской приехать с тремя дочерьми в гости в Петербург. Вскоре морским путем из Любека гости Екатерины II прибыли в столицу Российской империи.

Во флигеле Зимнего дворца, где находились покои великого князя Павла Петровича, в день помолвки цесаревича с утра наблюдалось оживление. Сын императрицы против обыкновения встал с постели очень рано, чтобы иметь время подготовиться к торжественной и важной аудиенции, давно ожидаемым зрителям невест. Павлу предстояло назвать имя своей будущей супруги.

В золотом зале на троне сидела Екатерина. По обе стороны от нее выстроился блестящий придворный штат, высшие государственные сановники и представители иностранных держав в шитых золотом и серебром, разукрашенных орденами и звездами мундирах, придворные дамы и фрейлины в роскошных платьях. Екатерина судовольствием и благоволением смотрела на окружающее ее избранное общество. Великий князь с графом Паниным стояли около государыни по правую руку. Все внимание великого князя, разумеется, было сосредоточено на трех немецких принцессах, которые несколько минут назад вошли вместе со своей матерью ландграфиней Гессен-Дармштадтской в тронный зал.

Гофмаршал князь Барятинский подходил к каждой из предполагаемых невест – Елизавете, Фредерике, Вильгельмине – и представлял императрице. Павел спокойно рассматривал принцесс. Следует заметить, что сама Екатерина II предварительно сделала выбор на старшей из принцесс – Елизавете. Несколько особенно любезных вопросов, с которыми императрица обратилась к принцессе и на которые последняя ответила со свойственным ей тактом, ясно показали расположение государыни к ней. Елизавета своей грацией и красотой произвела весьма выгодное впечатление и на все остальное общество.

Однако Павел Петрович, с самого начала встречи внимательно наблюдавший за принцессами, сделал иной выбор. Выждав нужный момент, цесаревич подошел к своей матери, преклонил перед ней колени и объявил о своем выборе. «Я прошу руки принцессы Вильгельмины и буду очень счастлив получить из рук все милостивейшей моей родительницы невесту, которую избрало мое сердце». Выбор Павла удивил Екатерину, но здесь она волю своего сына выполнила. «Господа, – обратилась она к присутствующим, – имею честь объявить вам о помолвке сына нашего, его высочества цесаревича Павла с принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской. Все остальное в свое время будет объявлено официально».

В последних числах сентября 1773 года высшее петербургское общество торжественно отмечало бракосочетание сына императрицы Екатерины II великого князя Павла Петровича. После принятия православия Вильгельмина стала именоваться Натальей Алексеевной. Брачная жизнь молодых оказалась короткой: в апреле 1776 года супруга цесаревича Павла Петровича умерла при неблагополучных родах. Великий князь был в отчаянии, и мать

решила устроить второй брак сына. В своих «Записках» Екатерина рассказывает, что она «предложила путешествия, перемену мест, а потом сказала: мертвых не воскресить, надо думать о живых, разве оттого, что воображали себя счастливыми, но потеряли эту уверенность, следует отчаиваться в возможности снова возвратить ее? Итак, станем искать эту другую...»

В действительности же искать вторую невесту для наследника русского престола на сей раз не пришлось. Дело в том, что когда барон Ассебург по заданию императрицы искал невест для Павла, среди других кандидаток (кроме трех дочерей ландграфини Гессен-Дармштадтской) была и Софья-Доротея Вюртембергская, родственница прусского короля Фридриха II.

В 1776 году, накануне Пасхи, в Санкт-Петербург приехал принц Прусский Генрих, брат короля, с его поручением по поводу раздела Польши. Именно в это время супруга цесаревича Павла Петровича Наталья Алексеевна должна была родить. Когда случилось несчастье, принц Генрих принял искреннее участие в горести наследника русского престола. В Царском Селе принц, утешая великого князя, предложил ему подумать о супружестве с принцессой Вюртембергской, своей племянницей, о красоте которой знали и при Петербургском дворе. Правда, эта принцесса уже была помолвлена. Когда же Павел Петрович изъявил желание жениться вторично и именно на ней, то прусский король Фридрих II взял на себя миссию уладить это дело в пользу русского цесаревича и пригласил последнего в Берлин.

Принц Генрих Прусский писал 27 апреля 1776 года герцогине Вюртембергской: «Любезная племянница! Смерть великой княгини, которая последовала вчера вечером, доставляет мне случай оказать вам услугу, любезнейшая племянница, и поговорить о предмете крайней важности. Императрица поручила мне попросить Вас приехать в Берлин с Вашими дочерьми. Я был принужден написать королю об этом предмете с полной подробностью и просить его нарушить обещания, данные принцу Дармштадтскому. Умоляю и Вас и супруга Вашего, ради счастья наших семейств, согласиться на все меры, которые предпишет Вам король касательно этого. Императрица даст мне вексель, равный сумме, полученной покойною ландграфиней, который она пошлет королю для передачи Вам. Вы знаете, любезная племянница, что православная вера здесь господствующая и что великая княгиня не может быть другого исповедания. Поручаюсь своим честным словом, что дочь Ваша не может выйти за человека более любезного и честного, чем великий князь, и что она не найдет нежнейшей и достойнейшей свекрови, чем императрица; отвечаю, следовательно, за счастье ее и выгоды, могущие вытекать отсюда для Вас и Вашего семейства. Не шейте своей дочери слишком много платьев; платья для города и одно нероскошное парадное для берлинского двора. Великий князь хочет увидеть принцессу, прежде чем просить ее руки, это секрет; затем Вы проводите ее до Мемеля, ибо не сомневаюсь, что она ему понравится. Императрица в Мемель за принцессой пошлет свой двор; она хочет избавить Вас от такого долгого и утомительного путешествия; но Вы получите все доказательства ее дружбы. Вот великий князь входит в комнату и, зная, что я пишу Вам, свидетельствует Вам свое почтение. Напишите мне два письма: одно, которое можно всем показать, другое для меня, и пошлите их с курьером моему брату Фердинанду. Не забудьте известить короля о том, когда приедете в Берлин. Мне необходимо знать это. Прощайте, любезная племянница. Да свершит Господь это дело к моей радости и Вашему счастью! Весьма нежно Вас обнимаю преданнейший Вам, любезная племянница, дядя и слуга Генрих. Монбельяр, 16 мая 1776 года».

Уже 11 июня 1776 года Екатерина II писала герцогине Вюртембергской: «Государыня сестра! Так как выбор великого князя, моего сына, вполне соответствует моим желаниям, то зависит лишь от согласия Вашего Высочества осчастливить его. Получите признание от своей старшей дочери, что ее сердце на это согласно, и будьте уверены, что эта принцесса будет разделять с сыном моим чувства моего сердца, что друг перед другом мы будем заботиться о ее счастье. С этими-то чувствами и чувствами глубочайшего уважения я всегда буду пребывать, Вашего Высочества добрая кузина Екатерина».

Со своей невестой принцессой Вюртембергской великий князь Павел Петрович встретился в Берлине, куда прибыл в июне 1776 года в сопровождении генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева. Русские и прусские газеты того времени подробно описывали, в частности, церемониал въезда великого князя в прусскую столицу. Впереди ехали двадцать четыре почтальона, играя на рожках, за ними шли разные чины при полном параде, потом следовал отряд прусской армии и, наконец, ехал цесаревич Павел Петрович с принцем Генрихом в богатой карете, запряженной восемью лошадьми. В других каретах находилась великокняжеская свита: фельдмаршал П. Н. Румянцев, Н. И. Салтыков, князь Куракин и другие. По дороге гостей встречали стоявшие в строю полки, процессия сопровождалась пушечными залпами. Шестьдесят красивых девиц поднесли цесаревичу венок из роз, нарциссов и миртов.

Доротея, зная об увлечениях цесаревича, завела с ним разговор о геометрии и на следующий день описывала сына Екатерины II своей подруге, госпоже Оберкирх, в самых лестных выражениях и признавалась ей, что «любит его до безумия!».

Позже, когда принцесса Доротея прибыла в Петербург, Павел писал 2 августа 1776 года матери своей невесты, герцогине Вюртембергской: «Ваше Высочество! Извещаю Вас о благополучном прибытии к нам принцессы, Вашей дочери, о полноте моего счастья и о радости всех и каждого.

Она имеет дарование и талант обвораживать и интересовать всех, я испытал это на самом себе.

Мать моя любит ее уже выше всякого выражения, я ее обожаю, а народ принимает ее с единодушным одобрением. Счастье свое я получил из Ваших рук, и Вас я должен благодарить за него. Примите чувства моей благодарности, поверьте, что они искренни и что я ими проникнут».

После принятия православия принцесса Доротея Вюртембергская стала великой княгиней Марией Федоровной. 15 сентября 1776 года был опубликован Манифест по поводу их обручения. Молодые августейшие супруги жили в любви и согласии, став впоследствии основоположниками генеалогической ветви династии Романовых в России. Семья великого князя Павла Петровича быстро увеличивалась.

12 декабря 1777 года Мария Федоровна родила первенца-сына. По желанию императрицы при крещении ему дали имя святого Александра Невского. Екатерина II, извещая Фридриха Гримма о рождении внука, радостно писала ему: «Я бьюсь об заклад, что вы вовсе не знаете того господина Александра, о котором я буду вам говорить. Это вовсе не Александр Великий, а очень маленький Александр, который родился 12-го этого месяца в десять и три четверти утра. Все это, конечно, значит, что у великой княжны только что родился сын, который в честь святого Александра Невского получил торжественное имя Александра II которого я зову господином Александром. Но, Боже мой, что выйдет из мальчугана? Я утешаю себя тем, что имя оказывает влияние на того, кто его носит; а это имя знаменитого...» 20 декабря того же года в Манифесте говорилось: «Божиею милостию Мы Екатерина вторая императрица и самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая, объявляем всенародно:

При должном благодарении Господу Богу за благополучное разрешение от бремени нашей любезной невестки Ея Императорского Величества Великой Княгини, и дарование их императорским Высочеством первородного сына, а нам внука Александра Павловича, что учинился во 12 день сего декабря, определяем писать во всех делах в Государстве Нашем по приличеству до сего касающихся: Его Императорским Величеством Великим Князем Александром Павловичем; и сие наше определение повелеваем публиковать во всем нашем государстве, дабы везде по оному исполняемо было. Екатерина».

Через полтора года, 27 апреля 1779-го, в Царском Селе появился на свет еще один внук Екатерины II – Константин. Появление на свет второго внука Екатерины по тогдашнему обычаю приветствовали стихами и, естественно, торжествами. Потемкин, устроив на своей даче в честь новорожденного блестящий праздник, сделал легкий намек на

приготовленную Константину судьбу. Фаворит российской самодержицы знал, что и когда говорить. Дело в том, что еще до рождения второго сына Павла у Екатерины II в ее пылком воображении зародился так называемый греческий проект. Суть его заключалась в том, чтобы изгнать турок из Европы, овладеть Константинополем и, восстановив там древний престол восточно-римских или византийских императоров, посадить на него одного из великих князей русского императорского дома. Именно по инициативе царствующей бабушки великому князю дали имя в честь первого основателя Константинополя. Это имя носил и последний греческий император из дома Палеологов. Лорд Мельсбюрн, английский посланник в Петербурге, сообщал в Лондон о том, что Екатерина II после рождения Константина стала часто говорить в ближайшем окружении о возведении второго внука на престол византийских императоров. Мысль о том, чтобы сделать второго сына Павла Петровича монархом греческого народа, не покидала императрицу и в последующие годы.

После рождения Александра II Константина Павел имел, по выражению Екатерины, «вереницу» из шести дочерей и еще двух сыновей – Николая и Михаила. «Я бесконечно больше люблю мальчиков, чем девочек», – говорила мать Павла. Плодовитость второй жены великого князя вызывала у императрицы удивление и восхищение. «Действительно, – говорила она Марии Федоровне, – вы мастерица производить на свет детей». Частые роды, по-видимому, не ухудшали здоровья супруги Павла.

Когда великая княгиня «подносила» своей свекрови внучку, она получала денежный подарок – чек на 30 000 рублей в государственном казначействе.

Августейшая бабушка

Императрица полагала, что дети Павла и Марии Федоровны принадлежат не им, а государству, поэтому не считалась с правами родителей. С рождением внуков умудренная жизненным опытом Екатерина считала себя, еще более чем раньше, способной быть главной наставницей обоих будущих императоров. Поэтому императрица удалила Александра II Константина от их родителей, с которыми решительно не сходилась во взглядах по вопросам воспитания детей. Оба мальчика постоянно жили при бабушке, а Павел Петрович и Мария Федоровна приезжали из Гатчины к своим сыновьям один-два раза в неделю.

Александр был маленьким кумиром Екатерины II и ее Двора. Мальчики не любили игрушек и всему предпочитали книжки и легкие учебные занятия. Императрица, стремясь привить любимым внукам хорошие вкусы, сама составила для них «Бабушкину азбуку», а также сама сочиняла для них сказки. Екатерина делала это из-за убеждения, что детская литература плохая и не удовлетворяет интересов молодого поколения.

Русская самодержица, находившаяся под влиянием выдающихся европейских писателей, придавала огромное значение воспитанию детей. В частности, по вопросам воспитания Александра она постоянно советовалась с Гриммом, о чем свидетельствует ее непрерывная переписка с ним. Вот что она писала, например, когда сыну Павла Петровича исполнилось чуть больше одного года: «Что касается будущего венценосца, я намерена держаться с ним одного плана: воспитывать его как можно проще; теперь ухаживают за его телом, не стесняя тела ни швами, ни теплом, ни холодом и ничем чопорным. Он делает, что хочет, но у него отнимают куклу, если он дурно с нею обращается. Зато, так как он всегда весел, то исполняет все, что от него требуют; он очень здоров, силен и крепок, и почти гол; он начинает ходить и говорить. После семи лет мы пойдем дальше, но я буду очень заботиться, чтобы из него не сделали хорошенькой куклы, потому что не люблю их».

После шести лет, когда время детских забав миновало, Екатерина решила, что пора приступать к серьезным занятиям и назначила главным попечителем Александра графа Н. И. Салтыкова. По рекомендации Гримма императрица пригласила учителя по

французскому языку, швейцарца Фридриха-Цезаря Лагарпа. Екатерина назначила его помощником Салтыкову, и Лагарп также отвечал за воспитание Александра II Константина. Внук любил свою бабушку, о чем свидетельствуют детские письма Александра к Екатерине II. В письме от 16 июня 1785 года, например, он писал: «Любезная Бабушка я очень жалею что вас не могу видеть цалую ваши ручки, и очень об вас много думаю, и я хотел севодня прийти к вам на луг и забыл что вас нет». Еще одно письмо, от 20 июня: «Любезная Бабушка. Я вас благодарю за письмо и очень радуюсь что вы скоро назад будете; Благодарю тебя Бабушка и за то, что вы нас помните, я вас люблю всем сердцем. Цалую ваши ручки. Внучик ваш Сашинька».

Когда Александру исполнилось пятнадцать лет, Екатерина II, как в свое время для Павла, стала подыскивать подругу жизни для старшего, любимого внука. Ее тщательный выбор остановился на дочерях маркграфа Баденского Карла-Фридриха. 14 ноября 1790 года императрица писала посланнику России при мелких немецких дворах графу Румянцеву: «Граф Николай Петрович. Под предлогом обыкновенного посещения князей германских, при которых вы акредитованы, съездите в Карлсруэ и там постарайтесь увидеть дочерей принца наследного Луизу-Августу, 11-ти лет, и Фридерiku-Доротею, 9-ти лет. Сверх красоты лица и прочих телесных свойств их, нужно, чтобы вы весьма верным образом наведались о воспитании, нравах и вообще душевных дарованиях сих принцесс, о чем в подробности мне донесете при случае отправления нарочного курьера, или посылаемого сюда из Парижа от тайного советника Симолина. Уверена я, впрочем, что вы сие поручаемое от меня дело исправите с крайнею осторожностью и самым неприметным для других образом. Пребываю вам доброжелательная Екатерина».

Эта переписка продолжалась целый год, и судя по ее содержанию, граф Румянцев успешно выполнил деликатное поручение Екатерины II. Невеста была годом моложе своего жениха, и оба сияли красотой. Г. Р. Державин тогда написал такие стихи:

Уж в легких сизых облаках
Прекрасна дева с неба сходит;
Смеющийся в очах сапфир,
Стыдливые в ланитах розы,
Багряную в устах зарю,
В власах я злато зрю,
И в сладком изступленьи сем,
Весь север зрится мне эдемом,
А осень кажется весной...

Миропомазание принцессы состоялось 9 мая 1793 года в Зимнем дворце, куда съехались члены Святейшего Синода и знатные особы, вся царская фамилия. В придворной церкви митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил совершил обряд по церковному чиноположению, и принцесса была наречена княжной Елизаветой Алексеевной.

На другой день состоялось обручение. В 12 часов утра императрица Екатерина II отправилась в окружении своей блестящей свиты в придворную церковь с большим парадом и торжеством. Впереди шли герольды, обер-церемониймейстер, камер-юнкеры, знатные особы, гофмаршалы с жезлами, а за ними императрица в окружении высших чинов. За ней шли цесаревич с супругой, великие князья, княжны и сестра невесты принцесса Фредерика Баденская в сопровождении фрейлин.

В церкви Екатерина II сама ввела жениха и невесту на специально приготовленное возвышенное место, покрытое бархатом. Обручение совершал преосвященный Гавриил, императрица обменяла обручальные кольца жениху и невесте, и сразу же с крепости началась пальба из 31 пушки. После литургии во дворце был дан торжественный обед, а вечером – бал, и весь город иллюминирован.

В Москве обручение великого князя Александра Павловича с Елизаветой отмечалось 29 мая в Успенском соборе.

28 сентября 1793 года в торжественной обстановке проходило бракосочетание внука императрицы. Как только в 8 часов утра грянули с Петропавловской крепости сигнальные выстрелы, войска под предводительством генерал-адъютанта графа Петра Салтыкова в строевом порядке двинулись на площадь Зимнего дворца. После 10 часов, когда сюда прибыли все, под звуки труб и литавр началось церемониальное шествие к большой придворной церкви. Впереди всех шествовали обер-церемониймейстер граф Панин и церемониймейстер Гурьев со своими знаками. За ними шли: гофмаршал, камер-юнкеры и камергеры сочетавшихся; камер-юнкеры и камергеры императрицы, генералы, тайные советники, первенствующие чины двора по старшинству в два ряда, затем обер-гофмаршалы Орлов и князь Барятинский с жезлами. За ними шла Екатерина II с короной и мантией, ее шлейф несли шесть камергеров во главе со старшим камергером Обуховым. Императрицу сопровождали князья Репнин и Нарышкин. За государыней следовали: наследник престола с супругой, великий князь Александр Павлович со своей обрученной невестой, другие члены царской фамилии.

В церкви императрицу и сопровождавших встретил митрополит Гавриил во главе с высшим духовенством. Венец над великим князем Александром держал его младший брат, великий князь Константин Павлович, а над великой княжной Елизаветой граф Безбородко. Во время благодарственного молебна со стен Петропавловской и Адмиралтейской крепостей раздались пушечные выстрелы, а войска открыли троекратный беглый огонь. Все эти звуки соединились с торжественным колокольным звоном. Из церкви возвратились во дворец на обед, на котором цесаревич начал пить за здоровье своей родительницы, а та отвечала тем же. При этом следовали выстрелы из 51 пушки. Затем приветствовали молодых, позже пили за здоровье всего царского дома при 31 выстреле.

Исторические материалы свидетельствуют, что бракосочетание сопровождалось пышными торжествами, на которые были приглашены многие европейские принцы.

Императрица Екатерина II очень любила и своего внука Константина, второго сына Павла Петровича. Младший брат Александра больше походил на своего отца и был хорошо сложен, имел живые и проницательные глаза, прикрытые густыми бровями, отличался неровным характером. Оба брата были тесно связаны друг с другом взаимной любовью, и Константин всегда находился в восторге от своего старшего брата, который с ранних лет имел редкие способности, удивительную память, восприимчивый ум, любил науки и был красив, как его мать. Благородство лица Александра, изящность фигуры и ловкость походки, отличные манеры поведения удивляли окружающих и радовали сердце императрицы, в то время как Константин забавлял царственную бабушку своими многочисленными проказами и шалостями. Младший внук не желал ничему учиться, за исключением воинской команды.

Императрица Екатерина II испытывала большое удовольствие и гордость, когда вместе с двором присутствовала при упражнениях, в которых оба ее внука совершенствовались на ее глазах под руководством опытных учителей. Не с тем, однако, чтобы сделать из своего Александра военного человека, выбрала она ему в наставники Лагарпа. Общее руководство было доверено графу Салтыкову, гувернеру обоих молодых князей.

В отличие от старшего брата Александра, Константин из неугомонного шалуна вырос в бесцеремонного царственного юнца, о котором венценосная бабушка с беспокойством писала в августе 1796 года графу Н. С. Салтыкову: «Я хотела сегодня говорить с моим сыном и рассказать ему все дурное поведение Константина Павловича, дабы всем родом сделать общее дело противу вертопраха и его унять, понеже поношение может нанести всему роду, буде не уймется. А как великий князь (Павел Петрович. – А. М.) уехал в Павловское, и нужно унять хоть Константина как можно скорее, то скажите ему от меня и именем моим, чтобы он воздерживался вперед от злословия, сквернословия и беспутства; буде он не захочет дойти до того, чтоб я над ним сделала пример. Мне известно бесчинное, бесчестное и непристойное поведение его в доме генерал-прокурора, где он не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства, даже обнаружил и к вам неблагодарность, понося

вас и вашу жену, что столь нагло и постыдно им произнесено было – что не токмо многие из наших, но даже и шведы без соблазна, содрогания и омерзения слышать не могли. Сверх того, он со всякой подлостью везде, даже и по улицам, обращается с такой непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его где ни есть прибудут к стыду и крайней неприятности». Наследника великого князя привели в чувство только одним средством – во время очередной выходки его арестовали.

После брака первого внука Екатерины II, великого князя Александра, настала очередь ее второго внука – Константина. Ему не исполнилось еще и четырнадцати лет, когда поступило предложение о его свадьбе от Неаполитанского двора. В конце XVIII века в Неаполе правили Бурбоны в лице Фердинанда IV, женатого на дочери императрицы Марии-Терезии, эрцгерцогине Карлине-Марии. Именно эта королевская чета и задумала отдать замуж одну из своих дочерей за внука Екатерины II. Однако переговоры были безуспешными и закончились неудачей, так как императрица решительно отвергла предлагаемый вариант и предпочла найти Константину невесту среди германских принцесс.

Невесту для внука Екатерины нашел генерал А. Ф. Будберг, ее доверенное лицо. Традиционно их пригласили на смотрины в Петербург. Речь идет о кобургских принцессах, которые представляли одну из древнейших династий Германии. Дом Саксонский, к которому невесты принадлежали, вел свое начало от одного из предводителей саксов.

Несомненный интерес представляют письма супруги наследного герцога Саксен-Кобургского из Петербурга, когда она со своими дочерьми приехала в русскую столицу и императрица выбрала своему внуку невесту. В письмах речь идет о 1795 году.

В своем первом письме 18 октября, на следующий же день после прибытия в Санкт-Петербург, она писала, что находится под сильным впечатлением блеска и великолепия Императорского Двора. Сразу же после приезда гостей из Германии Екатерина II сама встретила их в отведенных комнатах Зимнего дворца, поразив своим величием. «Она приняла нас, – пишет герцогиня, – чрезвычайно милостиво и любезно, осмотрела каждую из наших девиц пронизательным взглядом и остановила его на младшей, Юлии». Рассказывают, что, когда гости подъехали ко дворцу и выходили из экипажа, императрица смотрела на них из окна: старшая принцесса быстро выскочила из экипажа на лестницу; вторая хотела сделать то же, оступилась и упала; но последняя вышла из экипажа и взошла на ступеньку спокойно и с достоинством – это понравилось Екатерине. «Я нашла, – продолжает герцогиня, – что все описания Екатерины, какие до нас доходили, неверны. Опишу ее тебе по первому впечатлению. Она немного пониже меня, только полнее, осанка ее величественна; такой воображала я себе в детстве волшебницу. Лицо у нее широкое и полное; с виду нельзя ей дать 60 лет. Волосы и брови у ней не крашенные, совсем седые и густые; прическа совершенно соответствует ее летам. Головной убор приколот двумя огромными бриллиантами. Выражение лица очень приятно, рот до сих пор необыкновенно красив, нос не велик, но прекрасной формы и чудные голубые глаза, без которых нельзя вообразить ее. Она слегка румянится, но кожа так свежа у нее, что, наверное, она никогда не белилась. Поступь у нее удивительно легкая, не по летам, и вообще, ее можно назвать олицетворением крепкой старости, хотя у нас за границей часто говорят об ее болезнях».

С первых же дней принцессы освоились со Двором и вошли в обыкновенную жизнь его. По-видимому, туалеты их не отличались ни изысканностью, ни пышностью, и Екатерина прислала им две корзины великолепных шелковых материй и полдюжины портных, которые тотчас же принялись за работу. 20 октября императрица прислала матери и дочерям бриллиантовые знаки ордена Св. Екатерины и в тот же день привела к ним в первый раз великого князя Константина, о котором герцогиня пишет: «Константину на вид кажется не менее 23 лет (ему было тогда около 16. – А. М.), и видно, что он еще вырастет. У него широкое, круглое лицо; и если бы не курносый нос его, он был бы очень красив; у него большие голубые глаза, в которых много огня и ума; ресницы и брови почти совсем черные; небольшой рот и губы совсем пунцовые; очень приятная улыбка, прекрасные зубы и свежий цвет лица. У обоих братьев такие здоровые лица, такое красивое, мускулистое телосложение, что они резко отличаются от всех придворных кавалеров; в ясном взгляде их

видна чистая кровь и душа неиспорченная. Константин, кажется, воин и душой и телом, со всею военного ловкостью... Александр замечательно красив, высокого роста, но грациозность не мешает мужественному виду его, и выражение лица у него гораздо прелестнее, чем у брата. У Константина более блеску в глазах и глаза красивее, но у Александра черты лица совершенно правильные; у него придворные располагающие манеры, и он разговорчивее брата в обществе. Жаль только, что при этой необыкновенной любезности есть какая-то лень и вялость в его манере... Братья чрезвычайно привязаны друг к другу и постоянно вместе. Константин имеет больше характера и оттого владеет совершенно старшим братом, что не мешает, однако же, взаимному их доверию».

Великий князь Павел Петрович приехал из Гатчины познакомиться с принцессами. Герцогиня с дочерьми должна была идти к нему для первого знакомства в его комнаты через весь дворец, но осталась довольна его любезностью; потом они были у великого князя Александра Павловича. Герцогиня пишет, что она устала до крайности от этих визитов, потому что надо было пройти по дворцу по крайней мере три мили. Только что успели они вернуться в свои комнаты, как Павел Петрович пришел отдать им визит. В тот же день герцогиня описывает блестящий бал и театр в Эрмитаже. Начиная с императрицы, все удивляются красотой дочерей ее, о чем она пишет с восторгом.

«В пятницу утром мы поехали кататься по городу. Трудно себе представить что-нибудь прекраснее нового города и набережной Невы. В полдень к нам собралась вся наша обыкновенная обеденная компания. После обеда мы пошли с генералом Будбергом в Эрмитаж, смотреть картины и разные произведения искусства. Картин здесь множество, но они очень разнообразного достоинства. Очень хороши картины Анжелики Кауфман, но более всего понравилась мне картина „Смерть Отца“. В бесконечной анфиладе зал и галерей всего прежде бросается в глаза обширный вид на Неву, покрытую множеством больших и малых судов, и по ту сторону реки на Васильевский остров с прекраснейшими зданиями, кадетским корпусом, Академией и пр.: все они кажутся такими чистыми и свежими – точно модели».

«Из большой столовой с колоннами мы вошли в биллиардную и здесь застали Константина одного. Он смутился немного, но тотчас оправился и сказал, что императрица велела ему показать нам собрание редкостей. Со мной он разговаривал без перерыва;

но с девицами не имел духу сказать ни слова. Он отлично говорит по-французски и имеет много сведений для своих лет».

«Когда мы кончили, я пригласила Константина пить с нами чай. Он покраснел до ушей, но с большим удовольствием пошел с нами в наши комнаты, и мне показалось точно я у себя дома в Кобурге. Все еще не решаясь заговорить с девицами, он обращался все ко мне и к Будбергу. Будберга он безмерно любит и всякую минуту берет его за руку, чтобы показать, как он ценит его. Александр тоже очень к нему привязан, и оба брата выказывают к нему любовь свою самым лестным для него образом. С другими придворными они просто учтивы, но с генералом обращаются, как с отцом. Только с одним Зубовым они в близких отношениях, и это уклонение от прочих придворных помогает им соблюдать чистоту душевную».

«Екатерина, во всем предусмотрительная, устроила как нельзя более разумно воспитание обоих молодых людей и теперь видит себе награду в них: оба они вышли превосходны. У Константина такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствия ко всему великому, и в то же время столько скромности. И когда он говорил, столько прямоты и благородства выражало его лицо. Будберг взглянул на меня с восторгом. Привязанность братьев друг к другу замечательна. Константин говорит мне: „Не знаю, может ли брат обойтись без меня, а я жить не могу без Александра“. Вчера Александр спрашивал меня, довольна ли я его братом: „Он немного легкомыслен, но так добр!“ Они, кажется, дополняют друг друга своим различием в характерах. Чего нельзя ожидать со временем от этих молодых людей! Императрица следит за ними с восторгом. Оба они чрезвычайно привязаны к дому, и оба, особливо младший, ненавидят придворных. В разговоре со мною Константин с необыкновенным одушевлением высказывал презрение свое к людям,

которые гонятся за милостями высочайших особ, и выражал свое опасение, как бы брат его не подчинился влиянию этих людей. Будберг улыбнулся и сказал: „Они достанут и вас, Ваше Высочество“. Тут начались уверения, что этого никогда не будет, и я дивилась, как разумно говорил великий князь и как судил верно. Я рассказываю все это с подробностями, чтобы дать тебе понятие о характере вел. князя. Правда, что в нем по временам видится еще много детского. Он весь покраснел, когда Будберг с улыбкою посмотрел на него».

«Перед ужином вел. князь взялся за трость и за шляпу и хотел уходить; но, кажется, очень обрадовался, когда я пригласила его остаться. За столом паж хотел служить ему, но вел. князь сказал пажу с величайшей учтивостью: „Прошу вас, сударь, не беспокоиться; мне неприятно думать, что дворянин, который будет мне после товарищем, стоит у меня за стулом. Не правда ли, мы будем служить вместе?“ Молодой паж, лет 18-ти, отодвинулся, краснея; но на лице его, казалось, можно было прочесть: вся жизнь моя готова вам на службу».

«Константин гуляет каждое утро по городу в сопровождении одного только офицера, без слуги, ходит между народом, вступает в разговоры, и когда замечает какие-нибудь беспорядки, тотчас сообщает императрице. Совершенное доверие, которое великий князь питает к императрице, сердечное, нежное обращение всех членов этой семьи друг с другом, отдаление от придворных, которые всегда представляются мне точно зрителями в партере – вот что меня поражает и возбуждает во мне чувство глубокой радости, когда подумая, что оставляю в таком семействе дитя мое. Вот почему я совершенно довольна, что судьба Юлии так устроилась. До свадьбы она будет жить с молодыми великими князьями. К Александре и к Елене она уже привязалась с обыкновенною своею горячностью; с ними она и останется на попечении умной их воспитательницы г-жи Ливен. Это женщина с характером, знает в совершенстве, что требуется для воспитания молодых девиц, и умеет внушить им достаточно к себе уважения».

В следующем письме герцогиня писала: «Вчера после обеда Константин опять пришел к нам и принес гравированный портрет императрицы, который я видела в Эрмитаже. В этот вечер он себя чувствовал более по-домашнему и совершенно занялся девицами, но смотрел все на одну Юлию. Она была чудесно хороша, в атласной рубашке небесно-голубого цвета; волосы перевиты гирляндой из белых роз. Вел. князь непременно хотел, чтоб они играли на фортепиано и пели. Ты знаешь, как Юлия умеет аккомпанировать. София стала рисовать пирожницу, как она стоит на углу улицы. Константину хотелось, чтоб она нарисовала двух гусаров – он был в восторге: так и сказывались в нем 16 лет. София прибавила ему гусаров, потом музыканта, потом кучера в русском костюме. Константин – он немножко близорук – сидел за плечом у нее позади и поправлял костюм в рисунке, и говорил все по-немецки, заметив, что его ломаная немецкая речь забавляет девиц. Он шутил беспрестанно с Софией и с Антуанеттой, – ни разу с Юлией. В этот вечер он ужинал с нами. И сегодня он пришел бы, Императрица позволила ему, но сказала: спроси у своего друга. Великий князь не решился спросить сам и, когда мы вернулись из французского спектакля, послал к Будбергу гр. Зубова. Зубов, смеясь, передал поручение, но вернулся, увы! с решительным отказом. Генерал имел на это свои причины и был прав. Великому князю Александру позволяли видаться часто с принцессою Баденскою, и генерал заметил по этому случаю: „Лучше пусть молодой человек потонет в ожидании счастья – тем оно будет ему дороже“. Зубов – друг и доверенный человек у обоих великих князей, и они могут всегда рассчитывать на добрую его услугу. Теперь Константин постоянно ходит с ним рука об руку».

Наконец 24 октября решена была участь принцессы. 25 октября (7-е письмо) герцогиня пишет: «Юлию обручили вчера вечером. Это была картина самая трогательная. Как был тронут, как был нежен добрый, неиспорченный юноша! Ни одного зятя не буду я любить столько, сколько люблю этого. Не найдешь другого такого – отличного, умного, с таким чистым сердцем!»

«Вчера после обеда, около 6 часов, Константин пришел ко мне делать формальное предложение. Он провел целый день с гр. Зубовым, который вместе с Будбергом долго

читал ему наставления по случаю чрезмерной его живости. Он вошел в комнату бледный, опустив глаза, и дрожащим голосом сказал: „Сударыня, я пришел у вас просить руки вашей дочери“. Я было приготовила на этот случай прекрасную речь, но вместо того зарыдала. Он вместе со мною прослезился и молча прижал к губам мою руку. Когда я опомнилась, я стала говорить, что его попечению поручаю счастье своей дочери, что чувствительность ее души поможет ему дать ей необыкновенное счастье, но прибавить ей и страдания в несчастье. Я сказала: в такой дали от родины и от родных, я поручаю вам судьбу ее. С этой минуты ее участь и счастье зависит от вас».

«Дальше не помню, что я говорила ему и что ему внушило отвечать мне его доброе сердце. Я слишком была взволнована. Будберг прижал его к груди своей и вышел из комнаты, тоже в слезах. Послали за Юлией. Она вошла в комнату бледная. Он молча поцеловал у нее руку; она тихо плакала – я никогда не видала ее такою хорошенькой, как в эту минуту. „Не правда ли, что вы со временем меня полюбите“, – сказал Константин. Юлия взглянула на него так выразительно-нежно и сказала: „Да, я буду любить вас всем сердцем“».

«Невольно я воскликнула: Боже мой! Отчего отец не может всего этого видеть? Тут Юлия, которая так тебя любит, громко заплакала. Константин взял ее за обе руки, прижал их к сердцу и сказал с полным выражением той прямоты, на которую мы так крепко можем положиться: „Клянусь вам перед Богом, что вы увидите батюшку; обещаю вам, что повезу вас в Германию; не знаю когда, это зависит от Ее Величества; но что я обещаю, того крепко держусь – вы увидите батюшку, и я его увижу“. Потом, обратясь ко мне, он поцеловал мою руку и сказал: „Вы ее увидите, обещаю вам“».

«Мы сидели вместе целый вечер и были так счастливы, но в груди у меня была боль, так что я едва могла говорить. Молодой человек сидел возле своей скромной невесты или возле меня, на ручке дивана и, целуя мою руку, повторял: „Как я вас люблю“. Разумеется, это относилось к Юлии».

«Сегодня большое празднество. Я видела, столько уж проехало великолепных экипажей. Я сижу и пишу, в великолепном уборе – сейчас идем в церковь».

После обеда герцогиня пишет: «Сейчас только вышли от меня оба брата, вел. князя. Что они за милые молодые люди! Как счастлив Александр счастьем брата, с каким сердечным сочувствием он встречает его – это просто трогательно! Безгранична и доверенность младшего брата к старшему, и по летам и по мысли. Нечасто можно встретить такую сердечную нежность, какова между этими братьями. Александр уверяет меня, что брат его совсем влюблен: они сидели вчера до поздней ночи в беседе, и Александр давал брату много добрых советов; Юлия будет очень счастлива в этом семействе».

Тут же описывается свидание с Екатериною: «Императрица послала за нами, и мы застали ее в конце парадного туалета – она надевала последний орден. Она приняла нас с необыкновенною любезностью, целовала Юлию по крайней мере раз двадцать и сказала мне: „Могу вам сказать, что она нравится публике столько же, сколько и Константину“. Когда туалет окончился, императрица пошла к обеду, и мы пошли за нею». Затем описываются торжественный выход императрицы и поздравления. На 7 ноября назначен был отъезд герцогини из Петербурга. «Я могу спокойно оставить здесь Юлию, – пишет она. – Здесь об ней заботятся, как лучше желать нельзя». Действительно, все семейство герцогини осыпано было милостями и подарками. Перед маскарадом, 5 ноября, императрица прислала герцогине целую корзину с бриллиантовыми вещами: ей самой бриллиантовое ожерелье, серьги, цветок на голову, два жемчужных браслета и кольцо с огромным бриллиантом; двум старшим дочерям – каждой: ожерелье, серьги, кольца и цветок на голову; невесте – бриллиантовый головной убор и великолепные браслеты. Придворной их даме, г-же Вагенгейм – тоже кольцо и серьги. Принцессе-герцогине прислан был вексель для получения в Лейпциге 80 000 рублей для нее самой и для каждой из двух дочерей по 50 000 рублей. Г-жа Вагенгейм получила 3000 рублей, и всем служителям были розданы дорогие подарки. Оба сына герцогини – старший Эрнест (наследный герцог

Кобургский), младший Леопольд (впоследствии король Бельгийский) – были записаны капитанами в Петербургский гренадерский полк вел. князя Константина Павловича. Последнее, 9-е письмо от 7 ноября все наполнено описанием последних дней пребывания герцогини в Петербурге. 30 октября был спектакль в Эрмитаже; 31-го ужин у вел. кн. Александра Павловича; 1 ноября – целый день гости провели с императрицею в Таврическом дворце. В следующие дни вел. князь Константин Павлович показывал им Смольный монастырь, Кадетский корпус и Академию художеств. 5 ноября был во дворце великолепный маскарад, в котором собраны были представители разных местностей и племен России в местных и национальных костюмах. 6-го числа, после вечернего собрания в Эрмитаже, герцогиня простилась с великими князьями и на следующее утро выехала, с обеими старшими дочерьми, в обратный путь.

Любопытство заметить, что в описании всех сцен, следовавших за помолвкой, ни разу не упоминается о родителе жениха, великом князе Павле Петровиче. Только на обратном пути из Петербурга, 8 числа, герцогиня заезжала к нему в Гатчину. «Мы были очень любезно приняты, – пишет она, – но здесь я очутилась в атмосфере совсем не похожей на петербургскую. Вместо непринужденности, царствующей при императорском дворе, здесь все связано, формально и безмолвно. Великий князь умен и может быть приятен, когда захочет, но у него много непонятных странностей, и между прочим та, что около него все устроено на прусский лад и еще по старинным образцам прусским: как только въезжаешь в его владения, так появляются трехцветные (черные, красные и белые) шлагбаумы, с часовыми, которые на прусский манер окликают проезжающих. Всего ж хуже то, что эти солдаты – русские, обращенные в прусаков, и одеты по старинной форме Фридриха Вильгельма первого». В Гатчине гости провели ночь, по приглашению великого князя, и наутро отправились далее. На дороге настиг их майор Курута, курьер из Петербурга: с ним великий князь Павел Петрович прислал бриллиантовые знаки св. Екатерины, которых, видно, не успели приготовить к их отъезду, и письма от обрученной невесты, которая уведомляла между прочим, что ее начал уже учить русскому языку майор Муравьев, офицер, служивший под начальством великого князя Константина Павловича.

2 февраля 1796 года состоялось обручение, а 15 февраля и бракосочетание второго внука Екатерины II великого князя Константина Павловича с принцессой Кобургской Юлией, названной после принятия православия великой княжной Анной Федоровной.

На этот раз выбор императрицей супруги великому князю Константину Павловичу оказался неудачным. Константин не чувствовал никакой склонности к женитьбе и уступил желанию августейшей бабки. Их брачный союз не имел того результата, которого ждала Екатерина II, ибо он был бесплоден.

25 июня 1796 года у Павла, наследника престола, родился третий сын – Николай. Для Екатерины II эта семейная радость оказалась последней.

Императрица, так весело жившая, неохотно думала и говорила о своей старости и о предстоящей смерти и, между прочим, очень не любила поздравлений с днем рождения. «Я ненавижу этот день, каждый раз – лишний год, без которого я могла бы отлично обойтись... Ведь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалась в пятнадцатилетнем возрасте?» – были ее слова в ответ на одно из поздравлений. Она, надеясь на свое долголетие, в беседе с А. В. Храповицким 27 января 1789 года сказала ему: «Я уверена, что, имея 60 лет, проживу еще двадцать с несколькими годами». Но годы брали свое, и к 1796 году Екатерина II очень ослабла, ходила с трудом, особенно когда поднималась по лестнице. В воскресенье 2 ноября 1796 года императрица в последний раз появилась на выходе, среди придворных. «Можно было бы сказать, – пишет графиня В. Н. Головина, – что она вышла, чтобы проститься со своими подданными. Все были поражены впечатлением, которое она произвела в тот день». Как было принято, по воскресеньям состоялся большой обед. Великие князья Александр II Константин тогда в последний раз увидели свою державную бабушку, так как она в последующие дни не выходила из внутренних апартаментов.

3 ноября у императрицы сделался очередной приступ. Поскольку это случалось уже и раньше, она не обратила на него особого внимания. На другой день вечером у Екатерины Алексеевны собрались ее самые доверенные лица. Государыня много смеялась, была достаточно веселой. Спала она спокойно и, проснувшись в шесть часов 5 ноября, чувствовала себя хорошо, выпила две чашки своего любимого крепко сваренного кофе. Утренние часы от шести до девяти она в последние годы традиционно использовала для литературной работы. И в этот день императрица во время завтрака начала писать. Около девяти часов явился с докладом статс-секретарь, и Екатерина II стала подписывать бумаги. Это были награды к 24 ноября, дню ее тезоименитства. Затем императрица вышла в соседнюю небольшую комнатку, откуда долго не выходила. Когда камердинеры открыли дверь, то с испугом увидели государыню, распростертую на стуле. Прислуга перенесла ее в спальню.

Апоплексический удар лишил Екатерину II чувств. Ее лицо побагровело, на губах появилась пена, глаза то полуоткрывались, то закрывались, она сильно хрипела. Медики пустили кровь, пытались привести императрицу в чувство, но все усилия были напрасны. О случившемся сообщили только после полудня: сенаторы и министры были срочно вызваны во дворец. Вскоре о печальном событии знала вся столица. Современник писал: «На улицах тихо, в домах нет огня, свистел резкий ветер – все умножало грусть».

Вечером 5 ноября 1796 года в Гатчину, где постоянно проживал с женой великий князь и наследник-цесаревич Павел Петрович, прибыло одновременно несколько курьеров с известием, что его мать лежит на смертном одре. Вместе с Марией Федоровной он немедленно отправился в Петербург. Цесаревич прибыл в Зимний дворец, наполненный разными чинами, которые со страхом и любопытством ожидали кончины Екатерины. Как заметил очевидец, у всех в голове была одна мысль: что будет при Павле? Хотя императрица еще дышала, но к великому князю уже относились как к самодержцу России. В частности, старшие сыновья Александр II Константин встретили родителей в мундирах своих гатчинских батальонов.

Предсмертная агония императрицы длилась более тридцати часов. Процарствовав тридцать четыре года, четыре месяца и семь дней, на 68-м году жизни Екатерина II, вошедшая в нашу историю как Екатерина Великая, закончила свой земной путь.

Не мог тогда, летом 1762 года, в момент своего торжества, Алексей Орлов и представить, что сейчас, на склоне лет, ему предстоит испытать. Император Павел I приказал вырыть гроб своего отца и воздать его останкам те же почести, что и матери, императрице Екатерине II. На новый гроб Петра III его сын-император возложил корону, и затем останки покойного торжественно перевезли в Зимний дворец и поставили возле гроба Екатерины II. По приказу Павла I граф Алексей Орлов дежурил у гроба Петра III во время погребальной церемонии и нес за гробом императора корону до Петропавловской крепости.

Последняя женщина на российском престоле, императрица Екатерина II предстает перед последующими поколениями и судом истории не только самым удачливым реформатором, подобно Петру I возведшим Россию в ранг великой державы, но и выдающимся монархом, являвшим пример постоянного служения на благо Отечества. Будучи иностранкой, Екатерина тем не менее и на престоле, и в домашнем быту всегда была истинно русской женщиной, строго исполнявшей все обряды религии. Как и в каждом человеке, в ней были недостатки и слабости, но они не могут заслонить в глазах потомков ее великих достоинств и деяний. В целом царствование Екатерины II историограф В. О. Ключевский характеризует так: «В ее деятельности были промахи, даже крупные ошибки, в ее жизни остаются яркие пятна. Но целое столетие легло между нами и ею. Трудно быть злопамятным на таком расстоянии, и именно при мысли о наступлении второго столетия со дня смерти Екатерины II в памяти ярче выступает то, за что ее следует помнить, чем то, чего не хотелось бы вспоминать».

Царствование Екатерины II – это целая эпоха нашей истории, а исторические эпохи обыкновенно не замыкаются в пределы людского века, не кончаются с жизнью своих творцов...

Екатерина II оставила после себя учреждения, планы, идеи, нравы, при ней воспитанные, и значительные долги. Долги уплачены, и другие раны, нанесенные народному организму ее тяжелыми войнами и ее способом вести „свое маленькое хозяйство“, как она любила выражаться о своих финансах, давно зарубцевались и даже закрылись рубцами более позднего происхождения. Из екатерининских учреждений одни действуют доселе в старых формах, но в духе новых потребностей и понятий, другие, как, например, местные судебные учреждения, отслужили свою службу заменены новыми, совсем на них не похожими ни по началам, ни по устройству; наконец, третьи по своему устройству оказались неудачными уже при самой Екатерине, но их начала были сбережены для лучшей обработки дальнейшими поколениями».

Еще при жизни благодаря своей деятельности Екатерина II получила почетный эпитет «Великая», и как писал Н. М. Карамзин, «она была великой монархиней». Напомним, что когда летом 1767 года особая комиссия по подготовке «Наказа» решила поднести государыне титул Великой, Премудрой и Матери Отечества, то Екатерина II сказала: «Ответствую: на Великая – о моих делах оставляю времени и потомству беспристрастно судить, Премудрая – никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр, и Мать Отечества – любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть любимой от них есть мое желание». Императрица вновь отвергла инициативу Сената в 1780 году о «поднесении» титула «Великая». На вопрос Гримма, правда ли это, ведь «все привыкли говорить Великая Екатерина», уже прославленная в Европе императрица отвечает недвусмысленно: «Оставьте глупые прозвища, которыми некоторые мальчишки захотели украсить мою седую голову и за какую ветреность им надавали щелчков, так как они еще не родились, когда все эти глупости были торжественно отвергнуты на собрании уполномоченных всей земли русской». И когда в последующем Гримм в письмах все же употребляет шутивное обращение де Линя «Екатерина Великая», она сурово пресекает эту вольность: «Прошу вас не называть меня более Екатериной Великой; во-первых, потому что не люблю прозвищ; во-вторых, мое имя – Екатерина Вторая». И все же она по праву названа Великой, тем более что последующие российские монархи не смогли подняться в своей государственной деятельности до уровня Екатерины II, сравняться с ней по уму, трудолюбию и оптимизму, и главное – по результатам своего правления.